

Тёмный переулок казался затерянным во времени и пространстве клочком земли, отрезанным от остального мира густым, непроглядным туманом. Мгла сгущалась, скрывая любые ориентиры.

Мёртвая тишина, одиночество и удушающее отчаяние пленника — окажись на этом месте любой обычный человек, он бы наверняка до смерти перепугался.

Но в ловушке заперло именно Чу Вэй — юношу, который в этой жизни не боялся никого и ничего, кроме собственного Шифу.

В свои семнадцать лет он отличался юношеской пылкостью и поразительным бесстрашием, доходившим порой до откровенного безрассудства. Собственное тело Чу Вэй ни во что не ставил: если нужно было пустить кровь ради дела — резал ладонь без малейших колебаний.

Однако в этот раз проявить упрямство он просто не успел — его порыв пресекли в зародыше.

Кончика носа коснулся едва уловимый аромат лесных трав и свежей хвои, напоминающий первые весенние почки. От этого запаха веяло странной, почти осязаемой жизненной силой.

Державшая его ладонь была длинной, бледной, с тонкими, изящными пальцами. От её прикосновения повеяло прохладой. Незнакомец мягко, но крепко сжал пальцы Чу Вэй.

Вздрыгнув от неожиданности, Чу Вэй попытался вырваться.

Сердце забилося быстрее от запоздалого испуга. Как этот человек умудрился подобраться к нему столь бесшумно, не выдав себя ни единым звуком? Будь у чужака злые намерения, Чу Вэй уже лежал бы мёртвым.

Юноша отреагировал молниеносно: высвободив руку, он резко развернулся и атаковал свободной ладонью, разрывая дистанцию и сбрасывая захват.

В темноте раздался тихий, едва слышный смешок. В этом звуке сквозила мягкая, необъяснимая нежность.

Чу Вэй замер и вгляделся во мглу, пытаясь рассмотреть незваного гостя.

Тот оказался на голову выше него, поэтому первым делом взгляд выхватил широкий разворот плеч.

Мужчина был одет в простую белую рубашку с закатанными до локтей рукавами. Кожа на его предплечьях казалась болезненно-бледной, словно он годами не видел солнечного света.

Подняв глаза, Чу Вэй наконец разглядел его лицо.

Незнакомец был на редкость красив. В тонких чертах его лица, в мягком разрезе глаз угадывалась какая-то затаённая, хрупкая болезненность. На губах блуждала тёплая, незащищённая улыбка. От всей его фигуры веяло благородством и утончённой сдержанностью, присущей юношам из древних аристократических родов.

Чу Вэй точно знал, что видит его впервые, но с первой же секунды почувствовал странное, непреодолимое притяжение.

Разум упрямо твердил: подозрительные знакомцы, возникающие из ниоткуда в тёмных переулках, редко приходят с миром.

Однако шестое чувство шептало совсем иное — этот человек никогда не причинит ему вреда.

— Вы... — Чу Вэй запнулся, всматриваясь в знакомого. — Кто вы?

Мужчина мягко улыбнулся. Его негромкий голос прозвучал на удивление тепло и ласково.

— Меня зовут Хуа Жун, — негромко произнёс он.

Имя прозвучало совершенно знакомо. Чу Вэй никогда его не слышал, однако эти два коротких слога отозвались в его груди странной дрожью, словно кто-то невидимый коснулся натянутой струны в самой глубине его души.

«Мы ведь уже встречались, верно?»

Но прежде чем Чу Вэй успел издать хоть звук, Хуа Жун стремительно шагнул вперёд. Его рука властно обхватила юношу за талию, прижимая к себе, и в то же мгновение над их головами с оглушительным треском что-то взорвалось.

Резкий грохот вымел из головы все посторонние мысли. Оглянувшись, Чу Вэй обнаружил, что проход, сквозь который ещё недавно брезжил спасительный свет, исчез. Выход из переулка наглухо завалило, и вокруг воцарился кромешный мрак.

Чу Вэй упёрся лицом прямо в грудь Хуа Жуна. Близость чужого тела смущала, а вдобавок ко всему в нос снова ударил этот успокаивающий, чистый аромат лесной зелени.

Смутившись, он мягко высвободился из объятий. В этот момент Чу Вэй впервые в жизни почувствовал себя маленьким рядом с кем-то.

Хуа Жун не стал удерживать его силой. Он плавно опустил руки, чуть прикрыв глаза, в которых разгоралось лукавое веселье.

Чу Вэй, впрочем, ничего этого не заметил. Он быстро взял себя в руки и, вернув лицу привычное бесстрастное выражение, невозмутимо произнёс:

— Спасибо.

Тварь, заманившая их в ловушку, явно не ожидала наткнуться на столь невозмутимых жертв. Ни криков, ни паники, ни страха — вместо этого пленники умудрились спокойно обниматься прямо у неё под носом! Разозлившись, нечисть заставила всё пространство вокруг них исказиться. Стены пошли зловещей рябью, оседая плотным маревом иллюзий, готовых задушить их в своих объятиях.

Рука Чу Вэя потянулась к карману за талисманом, но он вдруг передумал и опустил её.

Медленно раскрыв ладонь, он сосредоточился. Тонкие, почти невидимые нити духовной силы послушно потянулись к его пальцам, свиваясь в ослепительное сияние и принимая очертания длинного, тонкого клинка.

В глазах Хуа Жуна промелькнуло удивление, которое тут же сменилось одобрительной улыбкой.

— Жалкие фокусы, — процедил Чу Вэй.

Воздух со свистом рассекла невидимая сталь. Сформированный из чистой энергии клинок вонзился в беспросветный мрак. Движения Чу Вэя были отточены годами тренировок: стремительные выпады и уклонения следовали одно за другим, заставляя тьму взрываться всполохами призрачного света. Каждый удар отсекал пласты наползающего тумана. Юноша двигался настолько быстро, что вскоре его силуэт превратился в размытую тень.

Раздался оглушительный хлопок. Иллюзия лопнула, словно мыльный пузырь, и туман бесследно растаял, обнажая привычные очертания переулка.

Здесь по-прежнему царил полумрак, но над головой затрещал и мигнул одинокий фонарь, а затем с тихим щелчком залил пространство жёлтым светом.

Наваждение отступило. Вокруг снова стало тихо.

Чу Вэй выпрямился, стоя спиной к спутнику. Духовное оружие растаяло в воздухе без следа.

Прямо у его ног валялись обломки разорванной тряпичной куклы, от которой всё ещё несло

остаточной энергией проклятия.

Чу Вэй присел на корточки, брезгливо ковырнул обломки пальцем и процедил сквозь зубы:

— Трусливая мразь. Только из засады и умеешь пакостить.

Поднявшись, юноша повернулся к стоявшему под тусклым светом мужчине.

«До чего же странно... Почему от него исходит такое невероятное тепло?»

Чу Вэй сделал несколько шагов навстречу и заглянул незнакомцу в глаза.

— Мы раньше встречались? — с любопытством спросил он.

Хуа Жун порывисто протянул руку, словно собираясь ласково взъерошить волосы юноши, но на полпути опомнился и просто мягко опустил ладонь ему на плечо.

Слегка сжав пальцы, он улыбнулся:

— Кто знает. Всё возможно.

Уклончивый ответ лишь сильнее раззадорил любопытство Чу Вэя, но Хуа Жун, не собираясь пускаться в объяснения, уверенно перехватил его за локоть и повёл к выходу на главную улицу.

— Уже поздно, бродить одному в такое время небезопасно, — ровным тоном произнёс мужчина. — Давай я тебя подвезу. Где ты живёшь?

— В общежитии, при школе, — послушно ответил Чу Вэй.

Необъяснимое, щемящее чувство внутри становилось всё навязчивее, но облечь его в слова никак не получалось.

Самое поразительное — Чу Вэй даже не подумал высвободить локоть. Он послушно шёл следом, позволяя незнакомцу вести себя.

Они вышли на залитый светом проспект, где у обочины под сенью деревьев дожидался роскошный чёрный седан.

Хуа Жун сам открыл заднюю дверцу, галантно пропуская юношу вперёд, после чего обошёл машину и сел рядом на просторное кожаное сиденье.

Салон наполнился уже знакомым травяным благоуханием, дарившим невероятное чувство защищённости и покоя.

На губах Чу Вэй сама собой появилась лёгкая улыбка.

Хуа Жун слегка прикрыл рот ладонью, тихо откашлялся и повернулся к нему:

— Что вызвало у тебя улыбку?

— Просто подумал: окажись вы злодеем, мне бы сейчас несдобровать, — лукаво прищурился юноша.

Мужчина ничуть не обиделся, лишь приподнял бровь:

— И как, похож я на негодяя?

Чу Вэй внимательно всмотрелся в его лицо. Спустя долгую паузу он покачал головой:

— Трудно сказать. Интуиция шепчет, что нет. Но если рассуждать здраво... Вы ведь даже имени моего не знали, а бросились на помощь, теперь везёте в школу. Да ещё и караулили посреди ночи в глухом переулке. Подозрительно для порядочного гражданина, вам не кажется?

Хуа Жун уклонился от оправданий. Он лишь мягко откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, погружившись в молчание.

Вид у него был утомлённый, а слабое здоровье выдавал неровный, прерывистый кашель. Мужчина старался сдерживать его, зажимая рот кулаком, но глухие хрипы всё равно изредка вырывались из груди.

Понимая, что лезть с расспросами невежливо, Чу Вэй всё же не сдержался:

— Плохо себя чувствуете? Простудились?

Не открывая глаз, Хуа Жун тихо ответил:

— Пустяки. Скоро пройдёт.

Юноша замолчал, но против воли продолжал прислушиваться к каждому звуку на соседнем сиденье. Он ловил малейшее изменение в дыхании мужчины, считая секунды между приступами кашля.

Когда машина плавно затормозила у ворот Ичжуна, Чу Вэй вздрогнул, осознав, что всю дорогу только и делал, что беззвучно караулил чужое дыхание.

Едва Чу Вэй приоткрыл дверцу, Хуа Жун тоже вышел на прохладный ночной воздух.

Чу Вэй снова поймал себя на неуместной заботе:

— Раз нездоровится, сидели бы дома в тепле. Нечего по ночам разгуливать. Спасибо, что подвезли. Я пойду.

Мужчина замер у капота, окутанный лунным сиянием, и негромко отозвался:

— Хорошо. Иди.

Чу Вэй развернулся к воротам, но, сделав всего пару шагов, резко затормозил. Какое-то неодолимое чувство заставило его обернуться. Он лихорадочно вытащил из кармана телефон.

— Мы могли бы обменяться контактами? — спросил он, чувствуя, как предательски дрожит голос. — Сердце подсказывает, что вам можно доверять. Позвольте узнать ваш номер... для связи. Я Чу Вэй.

Пальцы судорожно вцепились в гладкий корпус устройства — юноша безумно волновался, хоть и старался казаться невозмутимым.

Секунды ожидания растянулись в вечность. Молчание собеседника казалось бесконечным.

На лице Хуа Жуна отразилось мимолётное удивление, но он тут же достал свой аппарат и тихо произнёс:

— Разумеется. Давай.

Добавив новый контакт в Вэйляо, Чу Вэй заметил, что у них абсолютно одинаковые модели телефонов.

— Надо же, какое совпадение! — искренне удивился он. — У вас точно такой же телефон?

Хуа Жун тепло улыбнулся и, не отрывая взгляда от Чу Вэя, негромко обронил:

— Да. Очень красивый.

При этом его бархатный взор был прикован исключительно к лицу юноши, так что оставалось лишь догадываться, к чему относился этот комплимент — к модной технике или к самому Чу Вэю.

Главные ворота школы давно заперли на замок. Ловко перемахнув через высокий забор, Чу Вэй пробрался в жилой корпус. В их комнате царила тишина и темнота — Хуа Хайцзюнь уже крепко спал, тихо посапывая на своей кровати.

Прихватив сменную одежду, Чу Вэй скользнул в ванную комнату. Заперев за собой дверь, он первым же делом достал телефон.

На экране мессенджера красовалась заветная строчка: принят новый запрос на добавление в друзья.

На аватарке красовался каллиграфический иероглиф «Жун» — чёрные, летящие росчерки на белоснежном фоне. Судя по резким, уверенным штрихам, это был снимок реального свитка, а не бездушный компьютерный шрифт.

Чу Вэй взглянул на собственное фото профиля — точно такой же белый квадрат с иероглифом «Вэй». Случайное совпадение? Наверняка. Но от этой глупости на душе стало невероятно легко и радостно.

Слишком уж много общего обнаружилось у них за один вечер.

Открыв диалоговое окно, он несколько раз набирал текст и стирал его, подбирая нужные слова. В конце концов он отправил короткое сообщение.

"Я в общежитии, всё хорошо"

Ответ прилетел мгновенно.

"Спи сладко, малыш"

«Малыш?..»

Чу Вэй недоумённо уставился на своё отражение в зеркале. Рост у него вполне приличный, плечи широкие. С какой стати этот господин называет его ребёнком?

Насупившись, он набрал ответ.

"Вообще-то мне скоро исполнится восемнадцать"

Совершеннолетие — это уже взрослый статус. Термин «малыш» тут совершенно неуместен.

Вместо текста на экране появилось аудиосообщение.

Затаив дыхание, Чу Вэй нажал на воспроизведение.

Из динамика полился низкий, бархатистый голос, окрашенный тёплыми смешинками:

— Хорошо-хорошо. В следующем году официально признаю тебя взрослым.

В его интонациях сквозило откровенное потворство, словно взрослый снисходительно соглашался с капризом распекающего его ребёнка.

Чу Вэй почувствовал себя ужасно неловко. Со стороны это и правда выглядело так, будто он упорно выбивал из солидного мужчины подтверждение своей зрелости.

Раздосадованный собственной глупостью, он засунул телефон в карман, наспех умылся и лёг в постель.

С той ночи в его жизни появился таинственный собеседник. Они виделись всего однажды, но Чу Вэю казалось, будто он знает этого человека целую вечность — до малейшего жеста, до глубины души.

Утро встретило их ласковыми лучами зимнего солнца. По давно заведённой привычке Чу Вэй бесцеремонно стащил сонного Хуа Хайцзюня с кровати и потащил на утреннюю пробежку, после чего они отправились в столовую.

Поставив перед собой тарелку с парящим завтраком, Чу Вэй немного поколебался, а затем сфотографировал еду и отправил снимок Хуа Жуну.

"Приятного аппетита. Я завтракаю"

Тот, казалось, круглые сутки не выпускал телефон из рук — ответ пришёл незамедлительно.

К сообщению прилагалось фото стакана тёплого молока.

"Какое совпадение, у меня тоже завтрак. Любишь молоко?"

Отложив палочки, Чу Вэй принялся быстро набирать ответ.

"Не знаю. Ни разу не пробовал"

Сидевший напротив Хуа Хайцзюнь с любопытством уставился на друга:

— С кем это ты там переписываешься? Рот прямо до ушей.

Чу Вэй растерянно поднял голову:

— Разве я смеялся?

— Ещё как! — хмыкнул приятель. — Жаль, камеры под рукой нет, заснял бы твою глупую улыбку для истории.

Поспешно заблокировав экран, Чу Вэй уткнулся в тарелку, стараясь скрыть блуждающую на лице счастливую улыбку.

История с Чжао Кэ благополучно завершилась, но Чу Вэй прекрасно понимал — праздновать победу ещё рано.

Личность таинственного кукловода, который надоумил Чжао Тяня наложить запретное заклинание, по-прежнему оставалась загадкой.

Мотивы этого негодяя тоже окутывал мрак. Зачем ему понадобилось губить ни в чём не повинную девушку?

Найденный в переулке тряпичный манекен служил лишь приманкой и проводником чужой воли. Настоящий виновник проявил поразительную осторожность, не оставив после себя ни единой зацепки.

«Впрочем, теперь он знает обо мне», — рассудил Чу Вэй.

Оставалось запастись терпением. Если таинственный враг решит довести дело до конца, он неизбежно выдаст себя новой атакой.

А на войне как на войне — враг нападает, мы защищаемся. Рано или поздно его выведут на чистую воду.

Жизнь потекла в привычном, размеренном русле: уроки, тренировки, общежитие. Единственное, что всерьёз беспокоило юношу — загадочное исчезновение Шифу. Он не подавал о себе вестей уже очень давно.

Впрочем, к подобным отлучкам наставника Чу Вэй давно привык. Тот частенько пропадал на недели, а то и месяцы, уходя в глубокое уединение.

Но сейчас юноше отчаянно хотелось поговорить с ним: поделиться радостью от знакомства с Хуа Жуном и задать один терзавший его вопрос — не стёрли ли ему когда-то память?

Полгода безмолвия — это был слишком долгий срок даже для Шифу. Приближались зимние каникулы, а от наставника не было ни весточки. Сердце сжималось от глухой тревоги.

Зимний отдых у будущих выпускников Ичжуна обещал быть чисто номинальным. Гора домашних заданий, тестов и пробных экзаменов грозила поглотить всё свободное время с утра до позднего вечера.

И всё же ребята с нетерпением ждали каникул. За день до начала итоговых испытаний в классе воцарилось небывалое оживление.

Во время обеденной самоподготовки Хуа Хайцзюнь с победным видом отложил ручку и придвинул заполненный бланк соседу по парте.

— Клянусь, за этот тест я получу не меньше ста двадцати баллов! — самодовольно заявил он.

Чу Вэй равнодушно взглянул на него:

— Ты каждый раз так говоришь. И каков итог?

— В этот раз всё иначе! — не согласился молодой господин. — Настоящий прорыв!

Но не успел он закончить фразу, как красная паста безжалостно перечеркнула одно из его решений жирным крестом.

— Искренне надеюсь, — монотонно произнёс Чу Вэй, продолжая проверку.

Окончательный вердикт — сто десять баллов из ста пятидесяти возможных. До заветной планки не хватило совсем чуть-чуть.

Для изнеженного, ленивого богача прошедший семестр превратился в непрекращающийся кошмар. По его собственному признанию, он так не пахал за всю свою жизнь. Если бы он взялся за ум на пару лет раньше, Столичный университет уже лежал бы у его ног.

Чу Вэй оставил эти сокрушения без комментариев и молча пододвинул приятелю следующий тест — ещё более сложный и каверзный.

— Сто десять — тоже результат! — заворчал Хуа Хайцзюнь, уныло разглядывая новые задания.
— Нельзя же требовать от меня невозможного.

Тем не менее, ворчание не помешало ему углубиться в разбор ошибок. Теперь он действовал по чёткой схеме: сначала пытался перерешать неверные задачи сам, чтобы понять, где допустил глупую оплошность, а где действительно не хватило знаний, и лишь потом обращался к Чу Вэю за разъяснениями.

За эти месяцы юноша невероятно преобразился. Упорная учёба вошла в привычку, о чём разгульный наследник богатого семейства раньше не мог и помыслить. Изменения произошли как-то сами собой, исподволь.

Впрочем, до железной самодисциплины Чу Вэй ему всё ещё было как до луны.

Как только Чу Вэй закончил разметку бланков, телефон в его кармане слабо завибрировал.

Юноша мгновенно отложил ручку. Предчувствие не обмануло его — на экране светилось новое уведомление от Хуа Жуна.

"Когда у вас начинаются каникулы?"

На губах Чу Вэя заиграла невольная улыбка.

"Завтра и послезавтра сдаём экзамены. Сразу после этого нас отпускают"

"Постарайся. Как освободишься, тебя ждёт сюрприз"

"Сюрприз? Какой?"

"Если расскажу сейчас, это перестанет быть сюрпризом"

Хуа Хайцзюнь покосился на блаженное лицо друга и обречённо вздохнул. За прошедшие месяцы у него выработался стойкий иммунитет к этим внезапным приступам загадочного веселья.

Чу Вэй расплывался в такой глуповатой улыбке исключительно во время переписки. В эти моменты всё его привычное величие и загадочная аура мастера улетучивались без следа.

— Опять воркуешь со своим виртуальным другом? — заговорщически шепнул Хуа Хайцзюнь.

Чу Вэй с невозмутимым видом убрал мобильник в карман. Он не стал ничего отрицать, но его

сияющие глаза выдавали прекрасное расположение духа.

Экзаменационный марафон оказался изнурительным. За два дня ученикам пришлось выдержать плотный поток тестов — один предмет сменял другой практически без перерывов.

Тем не менее, близость долгожданной свободы подстёгивала ребят не хуже крепкого допинга — все выкладывались на полную мощность.

Даже такой одарённый и подготовленный ученик, как Чу Вэй, почувствовал небывалое облегчение, когда сдал последний бланк.

Каникулы наступали незамедлительно. Поскольку до Праздника весны оставались считанные дни, большинство ребят собрали вещи ещё в обеденный перерыв. Теперь весь класс томился в ожидании финального собрания, готовый сорваться с мест по первому знаку классного руководителя.

Багаж Чу Вэя был скромным — всего одна небольшая дорожная сумка.

Тяжёлые зимние вещи он решил оставить в шкафчике общежития. Каникулы пролетят быстро, возвращаться придётся скоро, так к чему зря таскать тяжести?

Учитель Цзи не изменяла своим привычкам. Её напутственная речь об усердной учёбе и технике безопасности на каникулах тянулась бесконечно. Школьники изнывали от нетерпения, а классная руководительница методично, без тени спешки диктовала список литературы на праздники.

Наконец кто-то с задних рядов не выдержал и взмолился:

— Учитель Цзи, мы ваши правила наизусть выучили! Честное слово, вернёмся живыми, здоровыми и в полном составе! Отпустите нас!

Цзи Сюэпин мягко рассмеялась, сдаваясь под натиском учеников:

— Вижу я, как у вас пятки горят. Раз всё усвоили — живо наведите порядок на своих партах, соберите мусор и можете быть свободны. Помните, впереди нас ждёт самый важный, выпускной семестр. Это наши последние совместные полгода, так что приложите все усилия.

— Поняли, учитель Цзи! — дружно взревел класс.

Стоило прозвенеть звонку, как толпа с весёлым гомоном хлынула в коридор.

Лишь Хуа Хайцзюнь не спешил, лениво перебирая свои многочисленные вещи.

— Чу Вэй, какие планы на каникулы? — поинтересовался он.

Чу Вэй на секунду задумался:

— Пока не знаю.

Дедушки больше не было. Родители... Чу Вэй понятия не имел, соизволят ли они приехать в этом году. Связаться с ними не получалось, да и, честно говоря, возвращаться в пустой дом у него не возникало ни малейшего желания.

Из-за многолетнего отсутствия отец и мать превратились для него в далёких чужаков. Даже одноклассники казались ближе и роднее. Встреча с ними ничего бы не изменила. К тому же в глубине души всё ещё тлела глухая обида за то, что они не соизволили приехать даже на похороны дедушки.

Наставник тоже словно сквозь землю провалился.

«Похоже, встречать Новый год придётся в полном одиночестве», — с грустной усмешкой подумал он. Чувство сиротства кольнуло сердце.

Заметив помрачневшее лицо друга, Хуа Хайцзюнь воодушевился:

— Слушай, а поехали со мной в Столицу? Устроим тебе небольшое зимнее путешествие! Погуляем, развеешься.

В душе Чу Вэй затеплился интерес. Предложение действительно звучало заманчиво.

Благодаря щедрой плате от Чу Яна за прошлый заказ, у него скопилась приличная сумма денег. Он вполне мог позволить себе небольшое путешествие.

Кроме того, поездка в мегаполис открывала отличные перспективы для поиска новых клиентов в мире метафизики.

Во время учебного года он подумывал брать заказы по выходным, но быстро отказался от этой затеи.

Сбережений пока хватало, а постоянные отлучки из школы привлекли бы ненужное внимание учителей. Чу Вэй рассудил, что разумнее сначала спокойно сдать экзамены, а уже потом развернуть полноценную практику.

Благодаря этой осторожности первый семестр уездной школы прошёл тихо и без лишних потрясений.

Почувствовав, что друг колеблется, Хуа Хайцзюнь принялся горячо уговаривать его:

— Столица — потрясающий город! Я там каждую улочку знаю, покажу тебе всё самое интересное. К тому же, раз уж мы собрались поступать в Столичный университет, не мешало бы заранее разведать обстановку!

Чу Вэй не стал долго упрямиться и согласным кивком подтвердил своё согласие.

Главным аргументом в пользу поездки было то, что Хуа Жун тоже находился в Столице.

Но прежде чем отправиться в путь, юноше нужно было навестить родную деревню: прибраться на могиле дедушки, зажечь благовония, ополоснуть жертвенную чашу и сжечь немного ритуальных денег, чтобы почтить его память перед дальней дорогой.

Стоило им выйти за школьные ворота, как Чу Вэй нос к носу столкнулся с Чэн Даню, который, по-видимому, поджидал его здесь.

Юноши молча уставились друг на друга.

В начале учебного года Чэн Даню уехал в город один, даже не попрощавшись. За весь семестр они едва ли перемолвились парой незначительных фраз.

От Хуа Хайцзюня Чу Вэй знал, что земляк несколько раз приходил к их комнате по вечерам, но хозяина вечно не оказывалось на месте, и попытки наладить контакт сошли на нет.

Чэн Даню понуро опустил голову, явно собираясь что-то сказать, но не решаясь начать.

Чу Вэй не держал на него зла. Его тон прозвучал мягко и ровно:

— Ты что-то хотел?

— Мы... можем поехать в деревню вместе? — невнятно пробормотал Чэн Даню, избегая прямого взгляда.

Чу Вэй промолчал, но его спокойный, холодный взор красноречивее любых слов говорил об отказе.

Разбитую чашу не склеить — некоторые вещи, единожды изменившись, никогда не станут

прежними.

Кулаки Чэн Даню судорожно сжались от бессилия и обиды.

— Чу Вэй! Мы с тобой выросли в одной глуши! — с горечью выкрикнул он. — А этот Хуа Хайцзюнь — богатый избалованный щегол, он нам не ровня! Такие, как он, никогда не станут дружить искренне. Открой глаза, наконец!

<http://bllate.org/book/19040/1953220>